

Антон Шахматов

Периметр: последний рубеж

АНТОН ШАХМАТОВ

Периметр: последний рубеж

«Автор»

2026

Шахматов А.

Периметр: последний рубеж / А. Шахматов — «Автор», 2026

Когда ЭМИ стирает цивилизацию, остаётся только периметр — и те, кто готов его держать. Майор в отставке Воронов становится последней надеждой подземного комплекса: под его командованием горстка выживших должна удержать рубеж против дронов с искажёнными алгоритмами и мародёров, готовых на всё ради припасов. Ресурсы на исходе, патроны считают поштучно, а каждая ошибка стоит жизни. Но среди хаоса появляется шанс: перепрограммировать дронов и превратить угрозу в защиту. Победа возможна — но какой ценой? Периметр: последний рубеж — это жёсткая тактическая драма, где напряжение рождается из ограничений, а героизм — из необходимости снова и снова делать трудный выбор. Для поклонников напряжённого экшена, холодной тактики и глубокой психологии в духе лучших образцов военной и постапокалиптической фантастики

© Шахматов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Импульс	6
Глава 2. Периметр	9
Глава 3. Правила выживания	12
Глава 4. Первая операция	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Периметр: последний рубеж

Глава

Глава 1. Импульс

Солнце клонилось к закату, окрашивая полигон в багровые тона — будто сама природа заранее знала, что грядет беда. Майор в отставке Алексей Воронов стоял на возвышении, наблюдая за группой добровольцев. Двадцать человек, разношёрстных, но старательных: бывший автомеханик, студентка-биолог, таксист, парень из службы доставки... Все они хотели одного — выжить, если мир вдруг решит рухнуть.

Воронов не строил иллюзий. Он знал: в настоящей катастрофе выживают не самые сильные, а те, кто умеет держать строй, слушать приказы и не терять голову. Поэтому тренировки шли по жёсткой схеме: строевые, тактика малых групп, работа в парах, отработка сигналов. Никаких гаджетов, никаких приложений — только свистки, жесты, заранее оговорённые комбинации.

— Третья группа, перестроение в «клин»! — рявкнул Воронов, и эхо его голоса ещё катилось по полю, когда небо вдруг потемнело.

Не от тучи. Не от заката. Просто свет исчез — мгновенно, как будто кто-то щёлкнул выключателем.

Сначала замолчали рации. Потом погасли экраны планшетов, которые добровольцы использовали для учёта времени. Затем с жутким скрежетом рухнули три учебных дрона, зависшие на высоте двадцати метров. Они падали беззвучно, только металл скрежетал по асфальту.

«ЭМИ», — пронеслось в голове у Воронова. Он не успел даже подумать, как уже действовал.

— Сигнал «ноль-три»! — прозвучал резкий свист, три коротких, один длинный. Это значило: «Опасность, рассредоточиться, не паниковать».

Люди замерли на секунду, потом начали двигаться — кто-то неуверенно, кто-то слишком резко. Воронов видел, как в глазах у некоторых вспыхнул первобытный ужас: мир сломался, и они не знали, что делать.

Он спустился с возвышения, быстро, но без суеты.

— Смирно! — голос прозвучал как удар хлыста. Люди замерли. В этой тишине было слышно только, как где-то вдалеке падает ещё один дрон.

— Слушаем меня. Это не авария. Это электромагнитный импульс. Вся электроника накрылась. Телефоны, рации, камеры — всё мертво. Сейчас наша задача — не бежать, не кричать, а собраться и добраться до подземного научного комплекса. Там есть автономные системы, запасы, люди. Кто со мной?

Он не ждал аплодисментов. Ему нужно было, чтобы они поняли: он знает, что делать. И что если они будут слушать, у них есть шанс.

Группа собралась в круг. Воронов распределил роли: двое самых спокойных — координаторы на флангах, самые быстрые — разведка, самые сильные — тяжёлая поддержка. Он достал из рюкзака старую бумажную карту региона и положил её на капот брошенной машины.

— Маршрут такой: через лесополосу, вдоль старой дороги, к северному шлюзу. Там нас должны ждать. Если нет — будем вскрывать вручную. Вопросы?

— А если там уже кто-то есть? — спросила девушка из биологов, её голос дрожал, но она старалась держаться.

— Тогда будем договариваться. Или отбиваться. Но сначала — добраться. И помните: патроны считаем. Каждый выстрел — как последнее слово. Если можно обойтись без него — обходимся.

Они двинулись. Воронов шёл впереди, держа в руке механический компас и старый секундомер. Он не верил в случайности, но и не верил в чудеса. Только в подготовку, дисциплину и холодный расчёт.

Через час стало ясно: ЭМИ ударил не по одному региону. Города стояли тёмные, машины замерли на дорогах, светофоры не работали. На перекрёстке они наткнулись на первую группу мародёров — четверо мужчин в тёмной одежде, с оружием, которое явно было добыто не в оружейном магазине.

Воронов поднял руку — стоп. Группа замерла.

— Мы не ищем драки, — тихо сказал он, обращаясь к своим. — Но если придётся, работаем по схеме «один-два-три»: первый отвлекает, второй бьёт, третий прикрывает. Патроны — только в крайнем случае.

Мародёры заметили их. Один шагнул вперёд, держа обрез.

— Стойте. Это наша территория. Оставьте припасы и уходите.

Воронов медленно поднял руки, показывая, что не собирается стрелять.

— Нам не нужна ваша территория. Нам нужно пройти к комплексу. У нас раненые, у нас дети. Дайте пройти — и мы уйдём.

— У нас нет «пропусков» на жизнь, — усмехнулся мародёр.

В этот момент один из добровольцев — парень из службы доставки, который до этого казался самым тихим, — не выдержал. Он вскинул винтовку и выстрелил.

Грохот разорвал тишину. Пуля ушла в сторону, но эффект был мгновенным: мародёры открыли огонь.

Воронов упал, потянув за собой ближайших.

— В укрытие! — закричал он, и группа рассыпалась по сторонам.

Стрельба длилась меньше минуты. Мародёры, поняв, что столкнулись не с толпой паникёров, а с организованной группой, отступили. Но цена была высокой: один доброволец, парень лет двадцати, лежал на асфальте, кровь растекалась под ним тёмным пятном.

Воронов склонился над ним. Пульс был слабым.

— Держись, — прошептал он, хотя знал, что это пустые слова.

Парень открыл глаза.

— Я... я просто хотел помочь...

— Ты хотел. Но в следующий раз — жди приказа.

Глаза парня закрылись. Воронов сжал кулаки. Он не кричал, не бил по земле. Он просто отметил: ещё одна ошибка, ещё одна жизнь, которую нельзя вернуть.

Группа добралась до комплекса к полуночи. Ворота были закрыты, но не заперты — механическая система ещё работала. Внутри их встретили военные и учёные. Усталые, напряжённые, но живые.

Командир гарнизона, капитан Рогов, посмотрел на Воронова с усталым уважением.

— Слышал о тебе. Бывший спецназ, инструктор, жёсткий, но толковый. Нам нужен кто-то, кто сможет держать периметр. Ты подойдешь.

Воронов хотел отказаться. Хотел сказать, что он устал командовать, устал терять людей. Но он посмотрел на своих — на тех, кто выжил, на тех, кто смотрел на него как на последнюю надежду.

— Хорошо. Я возьму периметр. Но у меня есть условия: никаких самовольных вылазок, никаких «я сам знаю». Только по плану. И патроны — только по приказу.

Рогов кивнул.

— Принято.

Учёный, невысокий мужчина в очках, подошёл к Воронову, пока остальные разбирали припасы.

— Вы думаете, что дроны — это враги. Но я думаю, что они просто... сломаны. Их алгоритмы искажены. Если мы сможем добраться до центрального узла, возможно, мы сможем их перепрограммировать. Не уничтожать — а починить.

Воронов посмотрел на него долго, будто пытался прочесть в этих словах подвох.

— Сначала мы должны выжить. А потом уже будем чинить машины.

Но где-то в глубине сознания он отметил эту мысль. Потому что убивать сломанное — это одно. А пытаться спасти — совсем другое. И, возможно, именно это и отличало их от мародёров.

Так начался его новый фронт. Периметр. Последний рубеж.

Глава 2. Периметр

Утро встретило комплекс тяжёлой, вязкой тишиной. Не той, что бывает перед рассветом, когда мир затаил дыхание в ожидании света, а мёртвой — без гула вентиляции, без писка датчиков, без привычного фона цивилизации. Воронов стоял у шлюза, вглядываясь в серую пелену рассвета, и чувствовал, как эта тишина давит на виски.

Рядом с ним стояли двое: инженер Лариса Костина — сухая, точная, с вечной папкой схем под мышкой, и разведчик Игорь «Серый» Северов, который умел читать следы там, где другие видели только грязь.

— Камеры мертвы, — сухо констатировала Лариса, постучав по панели, которая должна была показывать картинку с внешнего периметра, но вместо этого демонстрировала чёрный экран с ошибкой «No signal». — Резервные аккумуляторы продержались ровно сорок минут после импульса. Теперь у нас только глаза и уши.

Воронов кивнул. Он не ждал чудес.

— Датчики?

— Частично работают. Те, что на механической тяге или на старых батарейках. Но зона покрытия — меньше половины. Мы слепы там, где не можем выставить наблюдателей.

Серый сплюнул на бетон.

— Значит, будем ходить ногами. Я уже отметил зоны, где дроны любят висеть. Они кружат над перекрёстками, над высотками — как будто сканируют, но не атакуют. Пока не атакуют.

Воронов прищурился.

— Пока. Это ключевое слово.

Они двинулись вдоль периметра. Ворота были массивными, из стали, рассчитанными на ударную волну, но их механика требовала обслуживания: смазка, проверка петель, контроль противовесов. Лариса делала пометки в блокноте, бормоча себе под нос:

— Петли скрипят. Если будет штурм, мы услышим за сто метров, но и они нас услышат. Нужно смазать. И проверить ручной привод — если автоматика сдохла, открывать придётся вручную.

Воронов остановился у склада боеприпасов. Дверь была опечатана, но печать уже была сорвана. Он толкнул дверь — она поддалась с протяжным стоном.

Внутри пахло металлом и пылью. Ряды ящиков стояли в строгом порядке, но Воронов сразу заметил: некоторые ящики сдвинуты, другие открыты.

Он молча кивнул Ларисе. Та достала журнал учёта и начала сверять.

Через десять минут она подняла на него усталые глаза.

— У нас меньше, чем думали. Патронов хватит на три-четыре серьёзные стычки. Может, на пять, если стрелять экономно. Медикаментов — на две недели, если не будет массовых ранений. Топлива для генераторов — на месяц, но это при минимальном режиме. Если включим всё, что можем, — на неделю.

Цифры повисли в воздухе, как приговор. Воронов не стал делать вид, что они его удивили. Он знал: в таких условиях победа измеряется не количеством убитых, а сохранёнными ресурсами.

— Значит, работаем по плану «минимум риска». Никаких героических вылазок. Только то, что необходимо.

В этот момент по внутренней связи раздался голос дежурного:

— Командир, над северной зоной замечены дроны. Три единицы, высота — двадцать метров, скорость — низкая. Похоже, разведка.

Воронов резко повернулся к Серому.

— Сколько у нас бойцов на северной вышке?

— Двое. И у них приказ не стрелять без команды.

— Хорошо. Пусть наблюдают. Никаких выстрелов.

Но через пять минут ситуация изменилась. Дроны начали снижаться, их сенсоры сканировали периметр, словно прошупывая слабые места.

Один из бойцов на вышке не выдержал. Прогремел одиночный выстрел.

Пуля ушла мимо, но эффект был мгновенным: дроны среагировали. Их сенсоры вспыхнули, системы наведения щёлкнули, как челюсти хищника.

Воронов рванул к вышке, Лариса и Серый бежали следом.

Когда он добрался до места, боец уже кричал:

— Они идут! Они идут прямо на нас!

Дроны действительно меняли курс. Они не спешили, но двигались целенаправленно, как машины, которые наконец-то нашли цель.

Воронов схватил бойца за плечо, встряхнул.

— Ты нарушил приказ. Один выстрел — и ты дал им цель. Теперь они знают, где мы.

Боец смотрел на него с ужасом, будто только сейчас понял, что сделал.

— Я... я думал, что смогу сбить...

— Здесь не полигон. Здесь каждый выстрел — это приглашение к смерти.

Он повернулся к остальным.

— Слушаем меня. Дроны уязвимы. Их сенсоры, батареи, сервоприводы — это их слабые точки. Мы не стреляем по корпусу. Мы бьём точно. И только по команде. Серый, бери двоих, обойди с фланга. Лариса, найди способ заглушить их связь — хотя бы на минуту. Остальные — на позиции. Работаем как одна система.

Бой был коротким, но жестоким. Дроны атаковали не хаотично, а с расчётом: один отвлекал, двое били по флангам. Но команда Воронова держалась. Серый вывел двоих бойцов в тыл, они ударили по сенсорам дронов, лишив их ориентации. Лариса использовала импровизированный генератор помех — устройство, собранное из деталей старой радиостанции. На тридцать секунд дроны потеряли связь друг с другом.

И этого хватило.

Два дрона были обездвижены, третий ушёл, оставив после себя только эхо моторов.

Но цена была высокой. Один из бойцов, молодой парень по имени Денис, получил ранение в плечо. Пуля не прошла насквозь, но повредила мышцы. Он сидел на полу, бледный, сжав зубы, пока Лариса бинтовала рану.

Воронов опустился перед ним на корточки.

— Держись. Это не конец.

Денис посмотрел на него с болью и стыдом.

— Простите. Я... я не хотел...

Воронов не стал его утешать пустыми словами.

— Ты жив. Это главное. Но запомни: ошибка одного стоит жизни другого. Мы здесь не поодиночке. Мы — система. Если один звено ломается, рушится всё.

После боя Воронов собрал всех в зале совещаний. Люди сидели уставшие, с напряжёнными лицами, ожидая разноса. Но он не стал кричать.

— Мы удержали периметр. Но мы заплатили за это. И мы заплатим ещё, если не научимся контролировать себя. Паника — это тоже оружие врага. Они не только стреляют. Они заставляют нас стрелять первыми. И мы должны быть умнее.

Среди бойцов начался ропот. Кто-то шептал, что нужно бить на поражение, кто-то — что нужно экономить патроны.

Старший сержант Климов, седой, с лицом, изрезанным шрамами, встал.

— Мы не можем сидеть и ждать. Если мы не будем стрелять, они нас сожрут.

Воронов посмотрел на него спокойно.

— Мы не будем сидеть. Но и не будем стрелять по всему, что движется. Мы выберем «активную оборону». Бьём только по тем целям, которые угрожают комплексу. Только по уязвимым точкам. Только когда уверены.

Климов хотел возразить, но Воронов поднял руку.

— Это не просьба. Это приказ.

Тишина стала тяжелее, чем раньше. Но в ней уже не было паники. Была усталость, напряжение, но и понимание: у них есть командир, который знает, что делает.

Вечером Воронов снова стоял у периметра. Небо темнело, звёзды пробивались сквозь дымку, и на мгновение ему показалось, что мир всё ещё может быть нормальным. Но потом он услышал отдалённый гул — не моторов, не дронов, а чего-то более зловещего: шёпот ветра, который нёс с собой запах пепла и железа.

Периметр держался. Но он чувствовал: это только начало. И настоящая битва ещё впереди.

Глава 3. Правила выживания

Рассвет пришёл не как избавление, а как ещё одно напоминание: мир не собирается становиться добрее. Небо было серым, будто выцветшим, и даже солнце не могло пробиться сквозь плотную пелену пыли и дыма, висевшую над руинами города. Воронов стоял у входа в комплекс, вдыхая этот тяжёлый, металлический воздух, и думал о том, что теперь каждый вдох — это тоже ресурс, который нужно расходовать экономно.

Внутри комплекса царила напряжённая тишина — та, что бывает после бури, когда люди ещё не верят, что самое страшное позади. Воронов знал: это иллюзия. Самое страшное только начиналось.

Он собрал всех в главном зале — и военных, и добровольцев, и даже нескольких учёных, которым хватило смелости выйти из своих лабораторий. Люди стояли кучками, перешёптывались, смотрели на него с надеждой и страхом одновременно. Он не хотел быть для них надеждой. Он хотел быть инструментом, который поможет им выжить.

— Слушайте внимательно, — начал он, не повышая голоса, но так, что каждый услышал. — У нас нет права на ошибку. У нас нет права на эмоции. У нас есть только дисциплина. С этого момента действуют новые правила. Первое: не стрелять без команды. Второе: не выходить за периметр без разрешения. Третье: три выстрела на цель — не больше. Если не попал с трёх — отходи, меняй позицию, не трать патроны. Четвёртое: никакой самостоятельности. Мы не герои. Мы — последний рубеж.

По залу прокатился недовольный ропот. Кто-то фыркнул, кто-то закатил глаза. Воронов не стал делать вид, что не слышит.

— Я знаю, что вы думаете, — продолжил он спокойно. — «Мы не армия, чтобы маршировать по свистку». Но послушайте: армия держится на дисциплине, а мы держимся на том, что осталось от армии. Если мы начнём действовать каждый сам по себе, нас не дроны уничтожат — мы сами себя сожрём.

Климов, тот самый старший сержант, что вчера спорил с ним, шагнул вперёд.

— А если они придут ночью? Если будут ломиться в ворота? Мы что, будем ждать, пока ты дашь команду?

Воронов посмотрел на него прямо, без злобы, но и без мягкости.

— Если они придут ночью, мы будем готовы. Мы будем знать, где стоять, куда стрелять, как отходить. Потому что у нас будет план. А не паника.

После собрания Воронов не пошёл отдыхать. Вместо этого он вывел группу на тренировочную площадку — если это можно было так назвать. Площадкой служил пустой ангар, где раньше хранили оборудование. Теперь там пахло ржавчиной и отчаянием.

— Сегодня мы не будем стрелять, — объявил он, глядя на лица бойцов, на которых читалось недоумение. — Сегодня мы будем учиться выживать без патронов.

Он показал им, как использовать подручные средства: металлические прутья как дубинки, куски бетона как щиты, верёвки для связывания и ловушек. Он учил их рукопашному бою — не красивым приёмам из фильмов, а жёстким, коротким движениям, которые могли спасти жизнь в тесном пространстве или при численном превосходстве противника.

— В ближнем бою нет чести, — говорил он, показывая, как бить по уязвимым точкам: горло, глаза, пах, колени. — Есть только выживание. И если у вас есть шанс уйти живым — уходите. Это не трусость. Это расчёт.

Бойцы учились маскироваться, прятаться в тених, использовать мусор и обломки как укрытие. Воронов заставлял их часами лежать неподвижно, вслушиваясь в звуки, запоминая каждый шорох. Он хотел, чтобы они чувствовали периметр кожей, чтобы знали: враг не там, где громко, а там, где тихо.

Тем временем в лаборатории кипела другая жизнь. Учёные, во главе с тем самым очкариком, который вчера намекнул на возможность перенастройки дронов, пытались разобраться в том, что произошло. Воронов зашёл к ним ближе к вечеру, когда солнце уже садилось, окрашивая коридоры в багровые тона.

— Что у вас? — спросил он, стараясь не выглядеть раздражённым, хотя внутри всё кипело от напряжения.

Учёный, которого звали Андрей Петрович, поднял на него усталые глаза.

— Мы думаем, что ЭМИ не просто вырубил электронику, — сказал он, поправляя очки. — Он искажил алгоритмы дронов. Они не стали «злыми» — они просто потеряли ориентиры. Теперь для них любая движущаяся цель — угроза.

Рядом стоял военный инженер, капитан Мельников, и смотрел на учёного с откровенным скепсисом.

— Значит, вы предлагаете не уничтожать их, а... чинить? Как сломанный пылесос?

Андрей Петрович вздохнул.

— Да. Именно. Это машины. Они не хотят нас убивать. Они просто не понимают, что делают.

Мельников фыркнул.

— А когда один из них прострелил крышу над моей головой, он тоже «не понимал»?

Воронов поднял руку, останавливая спор.

— Хватит. Сейчас не время для теорий. Сейчас время для фактов. Что вы можете сделать прямо сейчас?

— Нам нужны компоненты, — ответил Андрей Петрович. — Редкие. Конденсаторы, микросхемы, преобразователи... То, что было в старых складах. Если мы их найдём, сможем собрать устройство, которое временно отключит дронов.

Воронов кивнул. Он знал, что это значит: придётся выходить за периметр. А он ненавидел каждую такую мысль.

Но прежде чем он успел что-то сказать, раздался крик из коридора. Воронов рванул туда, сердце колотилось в груди, а в голове уже прокручивались варианты: нападение, паника, ошибка.

На выходе из комплекса стоял боец — молодой парень, которого вчера приняли в отряд. Его лицо было бледным, глаза расширенными, а руки тряслись.

— Он ушёл, — прохрипел он, указывая на ворота. — Петров. Он сказал, что пойдёт проверить зону, что там тихо... Я пытался его остановить...

Воронов почувствовал, как внутри всё похолодело. Он знал этот сценарий. Он видел его раньше. Слишком много раз.

— Кто с ним пошёл?

— Никто. Он один.

Через десять минут группа из трёх человек, включая Воронова и Серого, была уже за периметром. Они двигались быстро, но тихо, используя укрытия, проверяя каждый угол. Воронов шёл впереди, сжимая автомат так, будто это был единственный якорь в этом безумном мире.

Они нашли Петрова на окраине заброшенной промзоны. Он лежал на бетонном полу, лицом вниз, а вокруг него растекалась тёмная лужа крови. Воронов опустился на колени, проверил пульс — его не было.

Серый тихо выругался.

— Зачем он пошёл? — прошептал Воронов, хотя знал ответ. Страх. Одиночество. Желание доказать, что он чего-то стоит.

Когда они вернулись, комплекс будто сжался от горя. Тело Петрова принесли в зал, и Воронов заставил всех собраться снова.

— Это не случайность, — сказал он, стоя над телом, и голос его звучал жёстко, почти безжалостно. — Это следствие. Следствие того, что мы не слушаем друг друга. Следствие того, что думаем, будто можем всё сделать в одиночку. Петров хотел быть героем. И он погиб как герой. Но нам не нужны герои. Нам нужны те, кто выживет.

В зале стояла мёртвая тишина. Даже самые упрямые молчали.

— С этого момента, — продолжил Воронов, — никаких одиночных вылазок. Никаких «я сам». Мы работаем только в группах. И если кто-то нарушит этот приказ... я не буду его наказывать. Я просто не смогу гарантировать, что он вернётся живым.

Ночью, когда комплекс погрузился в тяжёлую, тревожную тишину, Воронов сидел в своей комнате — если это можно было назвать комнатой. Это был небольшой кабинет с железным столом и стулом, который скрипел при каждом движении. Он смотрел на старую фотографию, которую всегда носил с собой: на ней была его прежняя команда — улыбающиеся лица, полные надежд и уверенности. Они погибли из-за одного решения. Одного слишком быстрого, слишком самоуверенного решения.

Он сжал кулаки, вспоминая тот день. Тогда он был моложе, горячее, верил, что может всё контролировать. Теперь он знал: контроль — это иллюзия. Всё, что у него есть, — это дисциплина, расчёт и готовность платить цену за каждую ошибку.

Где-то в коридоре скрипнула дверь, и Воронов поднял голову. Он знал: впереди будут ещё потери. Ещё ошибки. Ещё моменты, когда придётся выбирать между долгом и человечностью. Но он также знал: если он не удержит этот периметр, не удержит эту дисциплину, не удержит этих людей вместе — всё будет напрасно.

Периметр держался. Пока. Но цена этого удержания становилась всё выше. И Воронов чувствовал: самое тяжёлое ещё впереди.

Глава 4. Первая операция

Воронов стоял у карты, разложенной на столе из грубого металла. На бумаге были нанесены условные обозначения: зоны патрулирования, мёртвые зоны камер, места, где чаще всего фиксировали дроны. Рядом с картой лежали три карандаша — красный, синий и зелёный. Воронов не любил маркеры: они быстро заканчивались, а карандаши можно было точить. Это казалось мелочью, но в его мире мелочей не существовало.

— Цель — не уничтожить дронов, — тихо, но твёрдо говорил он, водя пальцем по линии старой промзоны за периметром. — Цель — понять, сколько их, где их узлы, как они реагируют на раздражители. И вернуться живыми.

Перед ним стояли пятеро: Серый, Лариса, молодой боец Артём, снайперка Кира и медик Стас. Все молчали, но в их взглядах читалось напряжение — смесь страха и решимости. Воронов знал это состояние. Оно было похоже на тишину перед выстрелом.

— План простой, — продолжил он. — Мы выходим через южный шлюз, двигаемся вдоль забора, используем укрытия. Серый и Артём идут впереди, проверяют маршрут. Лариса и Кира прикрывают тыл и фланги. Стас — в центре, готов к эвакуации любого из нас.

Кира подняла бровь.

— А отвлекающий манёвр?

Воронов кивнул.

— Будет. Мы используем старый генератор. Лариса соберёт из него подобие сигнального устройства — что-то, что создаст электромагнитный всплеск. Дроны среагируют на него как на угрозу и сгруппируются. В этот момент мы ударим по уязвимым точкам: сенсоры, батареи, сервоприводы. Не по корпусу — по узлам. И сразу отходим. Никаких геройств.

Лариса хмыкнула.

— Генератор едва живой. Я могу выжать из него один импульс. Не больше.

— Одного хватит, — сказал Воронов. — Главное — точность.

Он посмотрел на каждого по очереди.

— Патронов у нас мало. Сегодня мы стреляем только по команде и только наверняка. Если цель не в зоне поражения с первого выстрела — не стреляем. Отходим, меняем позицию. Экономия — это тоже тактика.

Артём нервно поправил ремень автомата.

— А если их там много? Если мы не справимся?

Воронов посмотрел на него спокойно.

— Тогда мы не будем пытаться справиться. Мы соберём данные и вернёмся. Наша задача — не победить, а выжить и узнать.

Ночь опустилась на руины быстро, будто кто-то выключил свет. Группа двигалась вдоль забора, используя тени как щит. Воронов шёл в центре, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди тяжёлым ритмом. Он не боялся смерти — он боялся ошибок.

Они добрались до точки. Лариса быстро собрала устройство из деталей генератора, её пальцы летали над проводами с пугающей скоростью.

— Готово, — прошептала она. — Один импульс. Больше не обещаю.

Воронов кивнул.

— Серый, Артём — на позицию. Кира, держи сектор. Стас, будь готов.

Серый и Артём скользнули вперёд, растворились в темноте. Воронов посмотрел на часы. Время тянулось медленно, как вязкая смола.

Через три минуты раздался тихий щелчок — Лариса активировала устройство. Всплеск энергии ушёл в ночь, как крик в пустоту.

И дроны ответили.

Их силуэты появились на фоне неба — чёрные, угловатые, с мерцающими сенсорами. Они кружили, сканировали, искали источник сигнала. Их становилось всё больше.

Воронов сжал рацию.

— Группа, внимание. Они идут на импульс. Серый, Артём, отходите. Сейчас.

Но в этот момент прогремел выстрел.

Одиночный, резкий, он разорвал тишину, как треск ломающейся кости. Воронов замер, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Это был Артём. Он стоял, прижав приклад к плечу, глаза расширены, пальцы судорожно сжимали спусковой крючок.

— Я... я думал, что он летит прямо на меня, — прохрипел он, когда Серый схватил его за плечо и потащил назад.

Выстрел сработал как детонатор. Дроны мгновенно изменили курс. Их сенсоры вспыхнули, системы наведения щёлкнули, и они рванули вперёд — не хаотично, а с расчётливой точностью.

— Отход! — крикнул Воронов, голос его звучал жёстко, без эмоций. — Все назад! Быстро!

Группа рванула к шлюзу, но дроны были быстрее. Они атаковали с флангов, их пушки щёлкали, выпуская короткие очереди. Пули впивались в бетон, высекая искры.

Кира упала, зацепившись за обломки. Воронов рванулся к ней, схватил за руку, потянул.

— Держись! Не отпускай!

Они бежали, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова. Каждый шаг стоил усилий, каждый вдох — как глоток стекла.

В какой-то момент Воронов понял, что Стас отстал. Он обернулся — медик лежал на земле, прижимая руку к боку. Из-под пальцев сочилась кровь.

Воронов замер на секунду, чувствуя, как время растягивается, как резина. Спасти Стаса — значит потерять всех. Оставить его — значит предать.

— Кира, Серый, вперёд! — рявкнул он. — Артём, прикрывай!

Он бросился к Стасу, поднял его на плечо. Медик застонал, но не жаловался.

— Беги... просто беги...

Они добрались до шлюза, когда дроны уже были в десяти метрах. Ворота закрылись с тяжёлым лязгом, отрезая их от смерти.

Внутри комплекса царил хаос. Люди бежали по коридорам, кричали, спрашивали, что случилось. Воронов опустил Стаса на пол, снял куртку, свернул её и прижал к ране.

— Держи. Сильно. Не отпускай.

Лариса уже бежала за аптечкой. Кира проверяла оружие, её руки дрожали, но она старалась не показывать этого. Артём стоял в углу, опустив голову, будто хотел провалиться сквозь пол.

Воронов подошёл к нему.

— Ты нарушил приказ. Ты выстрелил без команды. И из-за этого мы потеряли снаряжение, а Стас ранен.

Артём поднял на него глаза, полные ужаса и стыда.

— Я не хотел... я просто испугался...

Воронов не стал кричать. Он сел рядом с ним, положил руку на плечо.

— Страх — это нормально. Но паника — это оружие врага. Они не только стреляют. Они заставляют нас стрелять первыми. И мы должны быть умнее. Мы должны контролировать себя. Иначе нас не дроны убьют — мы сами себя уничтожим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.